

Прежде чем я успела задать первый вопрос, Иосиф Райхельгауз нам спросил меня: «А хотите, расскажу, как ровно десять лет назад появился наш театр?» Разумеется, я хотела

— Однажды Чингиз Торекулович Айтматов пригласил меня в город Фрунзе на свой юбилей. В это время я работал режиссером в театре «Современник», и пригласил он меня не случайно, а потому что я написал инсценировку его романов «И дольше века длится день» и «Плаха».

В самолете я встретил свою давнюю знакомую по ГИТИСу Марину Дружинину, которая тоже была приглашена на день рождения Айтматова. По окончании института Марина работала в репертуарной коллегии Управления культуры, потом в СГД.

Мы разговорились, и она выразила удивление, что я до сих пор не главный режиссер какого-нибудь театра. На что я ей ответил: «А мне странно, что вы сидите в Управлении культуры и участвуете в закрытии спектаклей и еще черт знает в чем. Я стану главным режиссером театра при условии, что вы станете его директором...»

Три дня продолжалось фесерическое гулянье. Время от времени я, встречая Дружинину, напоминал ей: «Ну так как, мы театр-то делаем?» Она отшучивалась: «Обязательно!» И каждый из нас понимал, что, прилетев в Москву, я продолжу работать в своем родном «Современнике», а она будет по-прежнему руководить культурой в границах города Москвы.

Тем не менее, прилетев в Москву мы через несколько дней совершенно случайно встретились — и оба признались, что продолжаем думать о нашей затее. Марина предложила погулять по Москве и присмотреть какое-нибудь подходящее помещение. Мы отправились гулять по центру, взяв книжку «Театральная Москва до 1917 года». Шли по Сретенке, потом спустились на Трубную площадь, подошли к издательству «Высшая школа», вошли в него... И когда нас остановили и спросили: «Вы куда?» — как было принято в те годы, мы ответили первое, что пришло в голову: «Ищем председателя профкома». Нам показали, куда пройти. Председателем профкома оказалась милая женщина, мы ей сказали, что из театра и «не хотите ли вы», чтобы мы концерт для вас сыграли, а вы разрешите нам здесь репетировать...»

Она повела нас к директору издательства Михаилу Ивано-

вичу Киселеву, который оказался замечательным мужиком. Он видел некоторые мои спектакли в «Современнике», и, когда я ему сказал, что в других моих спектаклях играют Гафт, Неелова, Ахеджакова, он очень обрадовался и попросил помочь организовать 50-летие издательства. Мы пообещали в обмен на то, что они позволят нам изредка играть спектакли на их сцене — в актовом зале (как он тогда назывался). Мы

Кто остался на «Трубке»

им устроили фантастический концерт, в котором участвовали Евгений Евстигнев, Леонид Филатов, Валерий Золотухин... В общем, весь цвет «Танганки» и «Современника».

После этого мы подружились с издательством и потихоньку начали здесь работать. Заняли сначала одну комнату, потом две. Потом наступил 1991 год. Советский Союз прекратил свое существование, издательство «Высшая школа» было реорганизовано, помещения частично освободились. И мы стали здесь работать. Вот так появился театр «Школа современной пьесы» на Трубной, как говорят москвичи — на «Трубке».

— Иосиф Леонидович, существует ли сейчас проблема современного театра? Ведь многие говорят, что театр возрождается. На ваш взгляд, это утверждение соответствует действительности?

— Не могу сказать определенно, возрождается или нет. Под этим, как правило, подразумевается приток зрителей в театры. А это действительно в последние годы происходит. Видим по нашему залу. Что же касается общего кризиса или некризиса театра, мне кажется, что театр — одно из достаточно стабильных проявлений нашей российской жизни. И это, на верное, то немногое, чем мы действительно сильны на мировом рынке.

Русский театр в мире очень высоко ценится. Начиная от артистов и режиссеров, которые индивидуально ездят по

миру, играют, ставят спектакли, преподают в театральных вузах, и заканчивая гастрольными поездками театров. Только в прошедшем сезоне у нас были гастрели в Израиле, Венгрии, Румынии, Швеции... И везде полные залы. Кстати, в Швеции мы показывали «Пришел мужчина к женщине» — спектакль, который идет уже более десяти лет. Шведские газеты назвали Ирину Алферову самой красивой русской актрисой, которая

своих не самых выдающихся проявлений — все-таки серьезный товар на мировом рынке.

Только что мы закончили приемные экзамены, я набрал новую мастерскую во ВГИКе — конкурс колоссальный, такой, как в застойные семидесятые.

— Сейчас сократили дотации вузам культуры, и все равно абитуриенты идут?

— Да. Мальчики и девочки хотят быть артистами. И их

ные понятия. В нашем театре работают высокопрофессиональные артисты, с которыми работать легко. Важно, чтобы ты сам был готов к репетиции, а талантливый профессиональный артист — он всегда открыт. Чем артист талантливее и профессиональнее, тем больше он недоволен собой, а не режиссером. У режиссера — то же самое. Никогда не надо искать виновного. Очень часто режиссер ищет вину в артистах, артисты — в режиссере, а вместе они говорят, что пьеса плохая... — У вас в театре играют и признанные звезды отечественной сцены — Татьяна Васильева, Лев Дуров, Сергей Юрский, Валентина Талызина, Михаил Глузский, Альберт Филозов, и студенты. На кого публика идет охотнее?

— Конечно, на знакомые имена. Как идут к хорошему врачу. И это нормальное дело. Зритель идет в театр, потому что он изначально доверяет актеру, от которого он получит

стыдно показать товарищам по профессии. Еще 15—20 спектаклей — приличные, следующие 20 — очень средние, остальные — полные антихудожественные провалы. В момент премьеры, может быть, спектакль кажется мне более или менее совершенным, а уже со следующего спектакля я начинаю его доводить — что-то выбрасываю, соизмеряю, соединяю части, в результате чего спектакль в целом как бы становится объективно лучше. А субъективно становится хуже. Это как с женой. Когда люди женятся, то первые моменты совместной жизни кажутся им ну просто идеальными, а дальше они начинают реально понимать друг друга. И если эта реальность их устраивает, они живут долго, если нет — расходятся.

— Вы сказали о проваленных спектаклях, а часто ли вам было стыдно?

— Часто. Не могу сказать, что очень часто, но бывало. И бывает. И чем старше становлюсь, тем чаще стыдно. Когда-то очень любил приходить на приемы в посольства, на то, что сейчас называется «тусовки», на мероприятия в Доме актера. Мне нравилось, когда со мной разговаривали, знали, что работаю в театре, что более или менее известный режиссер.

— Сейчас отношение к себе изменилось?

— Да. Если раньше гордился тем, что я режиссер столичного театра, то теперь ни в коем случае не обнарую ни свою профессию, ни свое имя. Мне кажется, что сегодня, как это ни странно, стыдно, когда у тебя и быт налажен, и машина под окном стоит, и дача есть, и на работе все хорошо, и зарплаты хватает. Стыдно. Особенно когда понимаешь, что люди нищие. Когда меня просят, то я стараюсь дать. И если не просят — стараюсь дать. Потому что есть такое внутреннее чувство, что вроде ты занял чье-то место.

Ведь могло же со мной ничего такого не случиться. Жил себе в Одессе мальчик, сын кассирши из фотоателье и шофера. Этот мальчик в тринадцать лет начал работать электрогазосварщиком на автобазе. Потом автослесарем. Могло на том и закончиться, но судьба сложилась иначе. Нет, в небесные силы я не верю. Верю в собственную энергию и необходимость работать. И думаю, что автором и хорошим, и плохим в своей жизни являюсь я сам. Плюс, конечно, везение.

— Вы всегда удовлетворены своими постановками?

— Нет, что вы! Я как-то пытался проанализировать количество и качество своих спектаклей и телевизионных работ и могу вам сказать, что три-четыре спектакля из поставленных мною шестидесяти кажутся мне очень хорошими. Еще спектаклей 6—7 кажутся достойными, их мне не

Школа современной пьесы стала десятилеткой

Иосиф Райхельгауз

когда-либо к ним приезжала, и их восхищение было абсолютно искренним. А главное — как они слушали и смотрели эту пьесу! Разница в том, что наши зрители понимают, какой смысл в ситуации. А шведы просто хохочут до колик... Рядом со мной сидел лысый пожилой человек, он срывал с себя наушники и заливался хохотом, глядя вокруг: кто его еще поддержит? Я не очень понимаю, к чему это отнести — то ли к популярности театра вообще, то ли к тому, что русский театр, может быть, даже в

очень много. В этом году действительно произошло нечто невероятное, чего не происходило уже много лет, феноменальный случай: набрали очень сильных мальчиков и очень невнятных (пока) девочек.

— С кем вам легче работать — с амбициозными студентами или с не менее амбициозными звездами?

— Как это ни самонадеянно звучит, но мне не трудно работать ни со студентами, ни со звездами. Профессионально не трудно. Трудно по энергии. Хороший артист и звезда — раз-

Handwritten notes and signatures in the right margin:
 Райхельгауз
 20.09.98